



## Об образе волка в калмыцких сказках

Анна Степановна Чумбаева<sup>1</sup>, Эльза Петровна Бакаева<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)  
младший научный сотрудник

 0000-0001-9272-3289. E-mail: chumbayeva[at]bk.ru

<sup>2</sup> Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)  
доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5188-1202. E-mail: ebakaeva[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Чумбаева А. С., Бакаева Э. П., 2023

**Аннотация.** *Цель* статьи — рассмотреть особенности образа волка в калмыцких сказках. *Материалом* исследования послужили как опубликованные, так и неизданные тексты калмыцких сказок в оригинале и переводе на русский язык. *Результаты.* На основе проведенного анализа можно сделать вывод об общности представлений о волке в культуре монгольских народов, в том числе калмыков. Образ волка в калмыцких сказках амбивалентен, что связано с разнообразием качеств, присущих этому животному, и с основными символическими значениями, используемыми для характеристик волка в фольклоре. Представления о волке в калмыцкой культуре определены как онтологическими характеристиками животного, так и культурными признаками. Наряду с представлениями, которые определены его характеристиками как хищного животного, в культуре калмыков волк почитается как тотемное животное, что косвенно отражено в сказках, в которых волк наделен мудростью и представлен в качестве вожака.

**Ключевые слова:** волк, тотем, калмыцкий фольклор, образ, сюжет, калмыцкие сказки

**Благодарность.** Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголо-

язычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер государственной регистрации: 123021300198-4).


**Для цитирования:** Чумбаева А.С., Бакаева Э. П. Об образе волка в калмыцких сказках // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 4. С. 152–172. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-4-28-152-172

## About the Image of the Wolf in Kalmyk Fairy Tales

*Anna S. Chumbaeva*<sup>1</sup>, *Elza P. Bakaeva*<sup>2</sup>


<sup>1</sup> Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0001-9272-3289. E-mail: chumbayevaa[at]bk.ru

<sup>2</sup> Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Deputy Director, Leading Research Associate

 0000-0002-5188-1202. E-mail: ebakaeva[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Chumbaeva A. S., Bakaeva E. P., 2023

**Abstract.** The *purpose* of the article is to consider the features of the image of the wolf in Kalmyk fairy tales. The research *material* was both published and unpublished texts of Kalmyk fairy tales in the original and translated into Russian. *Results.* Based on the conducted research, it can be concluded that there is a common understanding of the wolf in the culture of the Mongolian peoples, including the Kalmyks. The image of the wolf in Kalmyk fairy tales is multifaceted, ambivalent, due to the variety of qualities inherent in this animal, with the main symbolic meanings used to characterize the wolf in folklore. The ideas about the wolf in the Kalmyk culture are determined by both the ontological characteristics of the animal as well as its cultural characteristics. Along with the ideas that are defined by its characteristics as a predator, in the culture of the Kalmyks the wolf is revered as a totemic animal that is indirectly reflected in the fairy tales where the wolf is endowed with wisdom and is presented as a leader.

**Keywords:** wolf, totem, sacredness, Kalmyk folklore, image, plot, Kalmyk fairy tales

**Acknowledgements.** The research was carried out within the framework of a state subsidy — the project “Universals and specificity of traditions of Mongolian-speaking peoples through the prism of cross-cultural contacts and the system of relations between Russia, Mongolia and China” (state registration number: 123021300198-4).

**For citation:** Chumbaeva A. S., Bakaeva E. P. About the Image of the Wolf in Kalmyk Fairy Tales. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 4: 152–172. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-4-28-152-172

## 1. Введение

Устное народное творчество калмыков является сокровищницей и ярким проявлением специфики культуры народа. Сказочный фольклор как популярный жанр устного народного творчества отражает народную картину мира, хранит в себе мудрость и опыт предков, передаваемые из поколения в поколение.

Особым жанром сказочного фольклора являются сказки о животных. В фольклоре разных народов мира в сказках о животных действующими персонажами являются животные, с которыми человек сталкивается в обычной жизни, и животные, образы которых появились в фольклоре данного народа в результате культурных контактов, а также и фантастические животные. Калмыцкие сказки этого жанра, как и сказки других народов мира, отражают отношение к природе и миру. В этих сказках мы встречаем ярких и запоминающихся героев, таких как лиса, волк, заяц и многие другие. Каждый герой обладает своими уникальными чертами образа и поведения.

Как отмечает известный фольклорист А. В. Гура, «в традиционной культуре образы животных служат одним из средств выражения представлений о мире в различных его проявлениях. Можно говорить об особом зоологическом коде языка культуры... Через образы животных передаются человеческие взаимоотношения в сказках о животных... Зоологический код используется как средство классификации или характеристики различных предметов и явлений» [Гура 1997: 22].

Волк занимает особое место в мифологии и культуре калмыцкого народа. Он имеет разные символические значения и обладает высоким семиотическим статусом.

В повседневной жизни скотоводческого народа с волками прежде всего связана опасность для основного богатства номада — скота. Благополучие хозяйства кочевника зависит от многих факторов, среди которых — защита от хищников. Вместе с тем в культуре монгольских народов образ волка является не однозначным. Волк — не только противник в каждодневной жизни кочевника, но и животное, которому в мифологических представлениях калмыков приписываются особые характеристики. Так, волк в культуре калмыков, как и ряда других монгольских народов, может выступать и в роли тотемного животного, символизирующего предка-животного. Это отражает значимость образа волка в калмыцкой культуре, а также наличие традиционных представлений о его связи с жизнью калмыцкого народа.

Образ волка, представленный в калмыцких сказках, отражает разнообразие качеств и символических значений, которые обусловлены представлениями калмыков об этом животном. В целом он может символизировать как положительные, так и отрицательные качества и силы, что делает его особым персонажем в калмыцких сказках.

Р. С. Липец, анализируя образ волка в фольклоре тюркских и монгольских народов, отмечает, что «отношение к волку у кочевников древности было амбивалентным, как и ко всему сакральному» [Липец 1981: 120]. Двойственный характер образ волка прослеживают исследователи, например, в культуре хакасского народа, в которой волк нередко идентифицируется в качестве одного из прародителей и покровителей, выступает в роли тотемного божества и вместе с тем воспринимается в качестве проводника в потусторонний мир [Бурнаков, Цыденова 2015: 124].

Такой же двойственный характер образа волка, на наш взгляд, прослеживается и в фольклоре калмыков.

Цель статьи — рассмотреть особенности образа волка на материале калмыцких сказок.

## 2. Материалы и методы исследования

Материалом для анализа были избраны сказки, включенные в сборники, изданные в разные годы [Хальмг туульс 1961; Хальмг туульс 1968; Хальмг туульс 1972; Хальмг туульс 1974; Хальмг туульс 1979; Медноволосая девушка 1964; Сандаловый ларец 2002; Калмыцкие сказки 2009], из которых были выбраны тексты с героем-волком. К анализу также привлекались тексты из неопубликованного тома Свода калмыцкого фольклора «Калмыцкие сказки о животных, бытовые, кумулятивные сказки и небылицы<sup>1</sup>» [НА КалмНЦ РАН]. В исследовании применялся метод сравнительного анализа и структурно-семантический метод, что позволило выявить общие и отличительные черты в описании образа волка.

## 3. Представления о волке у монгольских народов

Образ волка занимает значимое место в культуре, в том числе в устном творчестве, ряда тюркских и монгольских народов: легенды и поверья отражают народные представления о волке как особом существе. Для благополучия хозяйства кочевников волк представлял угрозу, но вместе с тем образу волка приписывались и черты, которые характеризовали его как положительного героя в сказках. Вероятно, это связано с тем, что почитание животных, отраженное в устном народном творчестве, имеет более древние истоки, чем этап ведения кочевого хозяйства. Так, по мнению В. Я. Проппа, сказки о животных «создавались в ту эпоху развития человечества, когда основным источником существования людей служила охота», и потому в них изначально проявлялось магическое начало и вера в возможность через восхваление силы и мощи животных способствовать удаче охотников [Пропп 1957: XIII]. Более того, В. Я. Пропп даже связывал происхождение отдельных сказок о животных с древнейшей формой верований — тотемизмом, объясняя тем самым веру в особые качества животных и ма-

<sup>1</sup> В томе представлены тексты в оригинале и в переводе на русский язык. Переводы выполнены научным сотрудником КалмНЦ РАН Т. А. Михалевой.

гическую силу сказывания: «по своему происхождению они связаны с тотемизмом — мировоззрением первобытных охотников, почитавших священными некоторых животных и веривших в их сверхъестественную связь со своим родом. Когда мужчины находились на охоте, женщины восхваляли этих животных, рассказывая о их ловкости и хитрости в борьбе с другими, более сильными животными. Восхваления эти должны были, по их представлениям, способствовать удаче охотников. Но эта древнейшая магическая функция сказки давно забыта. В позднейших сказках о животных героем обычно является хитрая лиса, рассказы о проделках которой восхищают слушателя остроумием и неистощимым оптимизмом. Слабая лисичка обманывает сильного, но глупого волка и выходит победительницей из всех бед. Поведение животных в сказках напоминает чем-то поступки людей» [Пропп 1957: XIII].

Особое отношение к волку, характерное для культуры монгольских народов, отмечалось исследователями. Анализируя традиционные верования ойратов, Эрдэнэболд Лхагвасурэн посвящает в своей монографии теме почитания волка первый раздел в части, посвященной культурам животных. Ученый отмечает, что среди монгольских народов волк почитается как тотемный предок ряда родов. «Согласно верованиям монголов, волк — необычное существо, обладающее сверхъестественными силами, и племя, ведущее свое начало от волка, находится с ним в кровной связи» [Эрдэнэболд 2012: 54].

Представления о предковости волка сохраняются до настоящего времени в культурах ряда монгольских народов, и подтверждением тому является прежде всего легенда о происхождении монголов от легендарного прародителя Бортэ Чино ('Серый Волк') и его супруги Гоа Марал ('Прекрасная Лань'). Истоки почитания волка восходят к протомонгольскому времени, к культуре народов хунну, дунху и сяньюби. Известно, что тотемом правящего рода хунну был волк. Почитание тотема волка также присутствовало у рода ашина и тюркютов (дулга). Согласно китайским источникам, в древнетюркской легенде упоминается хуннский род «ашина» в переводе «благородный волк», где «шино» означает волк, а «а» добавляется

как аффикс уважения [Безертинов 2004: 138].

В культуре монгольских народов встречается обычай табуированного наименования волка, названия его «дедушкой», «старшим» [Эрдэнэболд 2012: 54]. В среде монгольских народов также имеются родовые подразделения, названия которых соотносят их с образом волка. Миф о происхождении калмыков от волка бытует и у калмыков, он связан с теми, кто сохраняет название волка в родовом названии [Мифы, легенды и предания 2017: 18]. Одна из этнических групп калмыков носит название *чонос* (термин означает множественное число от слова *чон* 'волк'). Чоносы встречаются только у калмыков-дербетов (среди групп малых дербетов — калм. *bah-дөрвд* и больших дербетов — калм. *ик-дөрвд*) и у тех донских калмыков (*бузавов*), которые происходят из дербетов. В настоящее время в Калмыкии можно встретить такие подразделения родовой по происхождению этнической группы: ики чоносы (большие чоносы), бага чоносы (малые чоносы), му чоносы (букв. плохие чоносы), шарнут чоносы (чоносы, вошедшие в группу шарнутов), бяргяс чоносы (чоносы из бяргасов) и др. Хотя все группы чонос — потомки мифического волка — являются калмыками-дербетами, в литературе высказывалась гипотеза Н. Н. Убушаева о том, что почитание этого животного известно всем калмыкам [Бакаева 2009: 109]. Возможно, что это почитание связано с общемонгольским культом. О происхождении рода чонос бытует несколько легенд. Одна из них повествует о мальчике-сироте, вскормленном волчицей, от которого позже и пошел род чонос [Мифы, легенды и предания 2017: 205] Сюжет этой легенды не нов, Ромул и Рем в римской мифологии тоже были вскормлены молоком волчицы [Басаев 2009: 12]. Легенда о происхождении рода чонос была литературно обработана и использована в романе народного писателя Калмыкии Алексея Бадмаева «Зултурган — трава степная», написанном в советские годы [Бадмаев 1982: 88–97; Бадмаев 1987: 104–109].

Тотемистический характер происхождения родовых групп калмыков-чоносов подтверждает вера в происхождении основателя рода от волка, наличие этногенетической легенды, запрет охоты на

волков и на употребление в пищу мяса волка представителям этнической группы, вера в охранительную силу частей шкуры волка, его зубов. Эти характерные признаки тотемизма приводит в своей монографии исследователь култов животных З. П. Соколова [Соколова 1998: 10–55]. Известен клич этнической группы чоносов, в котором они говорят о себе как продолжателях патрилинейной линии от отца-волка, так как чоносам приписывается именно волчья кость: *Чонын амулц яста кун / Чолунас биш цуһарн кемэлдэ / Чонас биш цуһарнь ундэ* ‘Человек с благословенными костями волка, Кроме камня. По любому предмету поясняющий (рассказывающий), Седлающий всех [животных], кроме волка’ [Бакаева 2007: 114]. Известны и другие варианты клича чоносов. Как отмечается в литературе, «наиболее древним ураном чоносов кличем в его классической форме является бытующий в их среде другой вариант урана — „Оон“» [Бакаева 2007: 115]. Оон в калмыцком языке означает «сайгак (самец)» [КРС 1977: 399], в языке ойратов и монголов — «самец антилопы» [Тодаева 2001: 262; БАМРС 2, 2001: 485]. В данном случае в названии этнической группы и ее кличе сопоставляются волк и антилопа, что коррелируется с образами двух легендарных прапредков монголов-борджигинов: Серым волком и Прекрасной Ланью.

Ойраты Монголии также соблюдают обычаи, которые свидетельствуют о том, что волк почитается как тотемное животное: «Люди рода волков, называющие себя „чоноохон“, не охотятся на волков, а когда вечером услышат завывание волков, не прогоняют, считая, что волки пришли их навестить» [Эрдэнэболд 2012: 53]. Сакральность образа волка, тотемистический характер его почитания отражены в соблюдении запретов и табуированном отношении к нему: так, сохранилась легенда о запрете Чингис-ханом охоты на волков и табуировании имени [Эрдэнэболд 2012: 52]. Известно, что древним предком Чингис-хана являлся Борте Чино, т. е. великий монгольский правитель происходил из рода, почитавшего волка-прародителя.

В фольклоре калмыков волку приписываются положительные качества, прежде всего сила и мощь [Джимбиева 2011: 13]. В сре-

де калмыков и их предков ойратов бытовало представление о том, что встреча с этим животным обещает богатство и успех, такое событие воспринимается положительно, поскольку сулит благоприятные перемены в жизни. Среди дербетов Западной Монголии бытует выражение *чоно харвал та гурван жилдээ тэнгэрлэг амьдарна* ‘если встретишь волка, будешь три года благоденствовать’ [Ванькаева 2019]. Т. Г. Басангова отмечает, что калмыки приписывали магические свойства и защитные функции волчьей шкуре, поэтому именно в нее заворачивали слабых новорожденных детей. Волчье мясо, которое, считалось, имеет лечебные свойства, могло использоваться в питании больных легочными заболеваниями. Волчий клык дарили детям как средство от сглаза в качестве амулета [Басангова 2019: 96]. Исследователь ссылается на материалы востоковеда Ц.-Д. Номинханова, который зафиксировал, что у донских калмыков женщины из рода чонос не произносили название рода и наименование волка, используя эвфемизмы [Басангова 2018: 67].

Аналогичные поверья наблюдались у бурят: веруя в то, что злые духи боятся волка, новорожденного заворачивали в волчью шкуру. Ойраты Монголии тоже в случаях ранней смерти детей в семье заворачивали ребенка в волчью шкуру, а также отдавали в другую семью либо обвязывали пупок волчьими сухожилиями и надевали на младенца оберег в виде волчьего альчика или волчьего носа [Эрдэнэболд 2012: 53].

Тесная связь образа волка с миром людей в культуре монгольских народов отражена в том, что в традиции имянаречения использовались имена, которые этимологически восходят к образу волка. Наречение детей «волчьими» именами якобы способствовало тому, чтобы уберечь их от смерти. Так, у калмыков встречались имена (в настоящее время — образованные от этих имен фамилии): *Чон* (*Чона*, *Чуна* ‘волк’), *Чонса* (от *чонс* ‘волки’+а) [Монраев 2012: 216], *Шона* (от *чон* ‘волк’) [Монраев 2012: 221], *Чонт* (от *чон* ‘волк’ [Монраев 2012: 72]), *Белтрг* (‘волчонок’), *Уульдг* (‘воющий’, имя-эвфемизм) [Монраев 2012: 33], *Арзгир*, *Ирзгир* (‘скалящийся’, имя-эвфемизм) [Монраев 2012: 160], *Гендн* (волк, название-эвфемизм [Монраев 2012: 142], а также *Бора* (‘серый [о вол-

ке]’, имя-эвфемизм), и др.

В калмыцкой культуре образ волка является амбивалентным. Положительная характеристика, вероятно, определена почитанием его как древнего тотемического предка.

#### 4. Этимология и зоонимы

Для обозначения волка в калмыцком фольклоре употребляется общеойратское видовое название *чон*, являющееся в то же время общемонгольским [КРС 1977: 655], поскольку встречается почти во всех монгольских языках с незначительными фонетическими изменениями: Ср.: х.-монг. *чоно*, бур. *шоно*, стп.-м. *ĉinu-a* [Рассадин 1981: 107]. Термины *гэндн* [Санжеев и др. 2016: 41], *өлгчн* [Санжеев и др. 2016: 223], *гөлг* [Санжеев и др. 2016: 47], *белтрг* [Санжеев и др. 2015: 85] представлены также в остальных монгольских языках. Так, в халха-монгольском *гэндүү* означает «барс, самец леопарда», в калмыцком *гендн* — название некоторых животных-самцов, в старописьменном монгольском языке *gendü(n)* ‘самец тигра, пантеры; вообще самец плотоядных животных’. Слово *өлгчн* общеойратское и означает ‘самка хищного животного’, ср. в других монгольских языках: х.-монг. *өлөгчин*, бур. *үлэгшэн*, стп.-м. *ölögčün* ‘самка плотоядных животных; сука’. *Белтрг* широко распространено в монгольских языках: ср. х.-монг. *бэлтрэг*, стп.-м. *belterge* ‘волчонок’, бур. *бэлтэргэ* ‘молодой волк’, так же как и *гөлг*: ср. х.-монг. *гөлөг*, бур. *гүлгэн* стп.-м. *gölüge* ‘детеныш, щенок’ [Рассадин и др. 2009:166].

А. Х. Корнеева отмечает: «Среди всех зоонимических табунаций наиболее широко представлены номинации волка, ставшие его кличками» [Корнеева 2016: 90], и со ссылкой на лингвистов перечисляет следующие эвфемистические названия данного зверя в калмыцком языке: *уульдг* ‘воющий’, *теңгрин ноха* ‘небесная собака’, *баавһа* ‘лохматый’, *белтрг* (табуированно) ‘молодой волк’, *чоньн гөлг* ‘волчонок’, *ут сүүлтэ* ‘длиннохвостый’, *арзһр* ‘скалящийся’, *кеерин ноха* ‘степная собака’, *арата* ‘клыкастый’ [Рассадин и др. 2009: 166; Корнеева 2016: 90].

Зоолексема волк зафиксирована во многих фразеологизмах, в

пословицах и поговорках.

Образ волка ассоциируется с активностью и энергичной деятельностью, неприятием пассивного образа жизни, что отражается в пословицах. Так, калмыцкая пословица гласит: *Залу кун зөрсэн эс күүцхлэ нерэн геедг, чон бэрсэн алдхла харһндг* ‘Если мужчина не выполнит поставленной перед собой цели, то он потеряет честь, если волк упустит пойманную добычу, будет голодать’ [КРС 1977: 655; Пословицы 2007: 24]; монгольская: *Амьтанд ад, адуунд чоно болох* ‘Стать для живых чертом, для табуна волком’ (= Выбить из седла) [Кульганек 2017: 97]; бурятская: *Шоно зууһанаа алдахадаа гури́нха болодог, эрэ зориһоноо табихадаа нэрэнь хухардаг* ‘Упустит волк пойманную добычу — будет голодать, отступится мужчина от того, к чему он стремился — честь свою потеряет’ [БРС 1973: 729]. В фольклоре образ волка может быть образцом какой-либо характеристики: калм. *чонын амн идв чигн — улан, эс идв чигн — улан* ‘волк ел или не ел, у него пасть всегда красная’ [Очиров 2011: 193].

Часто в речи используются зоонимы для описания или оценки человеческих качеств. В большинстве случаев такие выражения имеют негативную окраску. Например, волк символизирует подлого, лицемерного человека, от которого не стоит ждать ничего хорошего: калм. *хөөнэ арс өмссн чон* ‘волк в овечьей шкуре’ [Боваева, Омакаева 2022: 55]; *чонар хө хэрүлх* ‘поручить овцу волку’ [КРС 1977: 655]. Зооним *чон* также используется при номинации растений, например: калм. *чон яр* ‘лишайник красный’ [КРС 1977: 605], а также входит состав названий различных заболеваний — таких как *чонын хөрвөө* ‘ветряная оспа, ветрянка’ [БАМРС 2002: 319] и др. Калмыцким пословицам и поговоркам находят параллели в других языках. Например, русская пословица «сколько волка не корми, все равно в лес смотрит», ср. калмыцкую *чонын кичгиг кедү асрв чигн, чик хэлэдг уга* ‘волчонка сколько не расти, правильно смотреть не будет’ [Очиров 2011: 193] или *чонар хө хэрүлх* ‘поручить овцу волку’ — ср. русскую пословицу «пусти козла в огород» [КРС 1977: 655].

Б. Гундэгмаа, рассматривая образ волка (монг. *чоно*) в наивном

языковом сознании носителей монгольского языка, приходит к выводу о том, что «волк — самое удачливое и мощное животное, пробуждающее дух мужчины. Волк — тотем и символ для монголов, это небесное животное. Монголы считают волка сильным, смелым и умным, он обладает стойкой волей, высоким боевым духом. Шаман считается посредником (волком) между небесным и подземным миром» [Гундэгмаа 2017: 72]. Тем не менее в результате опросов, предпринятых для понимания наивной картины мира носителей монгольского языка, основную идею, отраженную в полученных реакциях, исследователь формулирует следующим образом: «... волк хитер и умен, быстр и ловок, скрытен и незаметен, агрессивен и смел, страшен и жесток, лют и дик, горд и жаден до добычи» [Гундэгмаа 2017: 67]. Таким образом, «с одной стороны волк — вредитель, темный, черный, злой, дикий враг, которого в течение веков нужно было истреблять, но с другой стороны — это красивое, небесное, величественное, обожествляемое животное» [Гундэгмаа 2017: 74].

В целом можно сделать вывод о том, что в калмыцкой культуре наличествует большое количество зоонимов, обозначающих волка, и часть их связана с табуированием образа волка как предка для определенной группы людей. Представление о волке определяется как онтологическими характеристиками животного, так и культурными признаками. Важно отметить разнообразие качеств, которые относятся к этому животному, и подчеркнуть основные и символические значения, используемые для описания образа волка.

## **5. Типы персонажей**

Амбивалентность образа волка в целом в культуре калмыков отражается в двойственности, которая проявляется в его образе в сказках. Чаще волк изображается как наивный и легковверный персонаж, который становится жертвой трикстера. Однако в некоторых сказках он предстает совершенно в ином свете, выступая в роли вожака и хищника. Н. В. Джимбиева, проведя анализ 12 сказок с действующим персонажем волком, выявила 4 сюжета калмыцких сказок, в которых волк наделяется положительными

качествами [Джимбиева 2011: 13].

В проанализированных нами опубликованных и подготовленном к печати сборниках калмыцких сказок волк является одним из героев в следующих сказках:

1) «Чонын туск тууль» («Сказка про волка») [НА КалмНЦ РАН];

2) «Чон, арат, туула хурвн» («Волк, лиса и заяц») [Хальмг туульс 1961: 99–101; Хальмг туульс 1979: 120–121];

3) «Зан чон хойр» («Слон и волк») [Хальмг туульс 1961: 94–95; Хальмг туульс 1979: 116; Сандаловый ларец 2002: 211–212];

4) «Барс, чон, арат, темэн дөрвн» («Барс, волк, лиса и верблюд») [Медноволосая девушка 1964: 256–258; Хальмг туульс 1979: 68–70];

5) «Һурвн нээж» («Три друга») [НА КалмНЦ РАН];

6) «Чон арат хойр» («Волк и лиса») [НА КалмНЦ РАН; Сандаловый ларец 2002: 189];

7) «Арат чон хойр» («Лиса и волк») [НА КалмНЦ РАН; Сандаловый ларец 2002: 189–191];

8) «Арат чон хойрин туск тууль» («Сказка о лисе и волке») [НА КалмНЦ РАН];

9) «Даahn, бүрү чон хурвн» («Жеребенок, бычок и волк») [НА КалмНЦ РАН];

10) «Такан ажрһта эмгн өвгн хойр» («Сказка о старике и старухе, у которых был петух») [НА КалмНЦ РАН];

11) «Ах-дү хойр хулһн» («Братья-мыши») [Хальмг туульс 1979: 141–142; НА КалмНЦ РАН];

12) «Мекч арат» («Хитроумная лиса») [НА КалмНЦ РАН];

13) «Арат, чон, аю хурвн» («Лисица, волк и медведь») [Сандаловый ларец 2002: 189–190];

14) «Эмгн өвгн хойриг чон яһж меклж» («Как волк обманул старика и старуху») [НА КалмНЦ РАН];

15) «Четыре брата» [Медноволосая девушка 1964: 261–262];

16) «Семеро братьев-волков» [Медноволосая девушка 1964: 253–255];

17) «Арвн чонин тууж» («История и десяти волках») [Хальмг

туульс 1968: 5–6; Сандаловый ларец 2002: 209–211].

В сказках говорится о необыкновенной внешности волка: у него огромный рост — *долан алд* (семь сажений): «Нег хаана орн-нутгт долан алд чон же гинэд ширгэһэд, шүд ээмг алвтин цуһараһинь идэд чилэһэд, эмгн өвгн хойрт орна 'В одном ханском нутке один волк в семь сажений сильно свирепствовал, съев всех албату в этом аймаке, пришел к старику и старухе' [Калмыцкие сказки 2009: 145].

Сказка «Семеро братьев-волков» отсылает к событиям, разворачивавшимся, согласно сюжету, в Алтайских горах. Таким образом, речь идет о древних временах, так как для калмыков Алтай — прародина. В сказке волк-вожак характеризуется как старый и мудрый. Достойным волку-вожаку противником оказывается старый конь, которого выбирает лидер волков в качестве первой жертвы. Не внявшие его совету волки погибают от кнутов табунщиков, и в живых остается лишь вожак, взобравшийся на гору [Медново-лосая девушка 1964: 253–255]. В сказке прослеживаются реминисценции почитания горы как сакрального центра, спасающего героя, а также восхваление мудрости волка-вожака. Сходен сюжет сказки «Арвн чонин тууж» (в переводе опубликована как «История о десяти волках»), где также волк спасается на горе, он является самым мудрым среди волков [Хальмг туульс 1968: 5–6; Сандаловый ларец 2002: 209–211]. Отличие сюжета сказки о десяти волках от сюжета о семерых братьях-волках состоит в том, что в этой сказке волк представлен также шаманом [Хальмг туульс 1968: 5–6; Сандаловый ларец 2002: 209–211]. Отсылкой к определению места действия является имя коня, на которого, по мнению вожака-волка, необходимо напасть первым, чтобы не было последствий для волчьей стаи: его называют *Алта Тээжин курң*, т. е. речь идет об Алтайских горах. Коня в калмыцком тексте сказки волк называет *Алта Тээжин курң*, что означает «Темно-рыжий тайджи (князя) Алтая» [Хальмг туульс 1968: 5–6], можно предположить, что под именем Алта Тээж в сказке подразумевается дух-хозяин Алтая [Хальмг туульс 1968: 5–6]. Уничтожив коня хозяина Алтая, волки смогли бы спастись, ведь они охотились на стадо, которое принадлежало самому хозяину Алтая. В этом сюжете проявляется более

ранний период, относящийся к периоду охотничьего хозяйства.

В калмыцкой народной сказке «Һурвн нээж» («Три друга») представлен образ волка-вожака, наделенного находчивостью, опытностью, ловкостью и справедливостью. Волк в этой сказке проявляет свои лидерские качества, руководя и помогая своим товарищам: *Удан бичэ бээтн, авх тоотан шулуһар эд-бод кежэ, өр цээтл керг-үүлэн төгсэхмн. Харһх ормдан цаглань цуглрхмн. Ховдг йовдл бичэ һарһтн. Хотна нохасиг меддг бишвт, — гинэ.* ‘Не задерживайтесь, с тем, что добудете, быстро управляйтесь, до рассвета надо дело закончить. В намеченном месте в условленное время и встретимся. Жадность не проявляйте. Вы знаете, какие собаки [живут] в хотоне’ [НА КалмНЦ РАН]. В сказочном сюжете, в котором волк играет важную роль, присутствуют мотивы, которые указывают на его особый статус и авторитет среди других животных. Волк является главным персонажем сказки и обладает исключительным влиянием на других обитателей леса. Так, заяц в сказке изображается как безоговорочно подчиняющийся вожаку, что отражает его авторитет и способность устанавливать иерархию: *Туулан геснь көөһэд, бийнь нам зөвэр күндрэд, ормасн эрэ босв. «Арһуга, чонын келсн закон — удан бээж болиго, хэрх кергтэ», — гинэд, сальквч тал өөрдв* ‘Живот у зайца раздулся, сам он отяжелел так, что едва поднялся. „Ничего не поделаешь, волк наказывал не задерживаться долго, надо возвращаться“, — подумал он и подошел к форточке’ [НА КалмНЦ РАН]. Лиса показана как непослушный персонаж, который осмеливается нарушить наставления вожака. Это приводит к допущенной оплошности и выговору от волка, что подчеркивает его способность поддерживать дисциплину и порядок среди животных. Таким образом, приведенные примеры дают основание заключить, что в калмыцкой народной сказке «Һурвн нээж» («Три друга») образ волка объединяет в себе качества лидера, находящего решение проблем, опытного и ловкого.

В связи с этой сказкой необходимо упомянуть, что в калмыцких пословицах и поговорках образ волка противопоставляется образу собаки, в этом случае волк и собака выступают как символы двух миров, дикого и одомашненного.

Как наставник и вожак выступает волк в сказке «Зан чон хойр» («Слон и волк»). Здесь слон, который отличается своей силой и размерами, но испытывает нехватку охотничьих навыков, обращается за помощью к волку: «... *Яһж хот олдгинь нанд дасхлч? — гижэ зан чонас сурв*» ‘Научи меня, как добывать себе пищу, — попросил слон волка’ [Хальмг туульс 1961: 94]. Советы волка, с одной стороны, характеризуют его охотничьи качества, с другой стороны, в сказке прослеживается связь с повседневной жизнью калмыков, которые традиционно занимались скотоводством.

В сказке «Такан ажрһта эмгн өвгн хойр» волк выступает как помощник главного героя — петуха [НА КалмНЦ РАН]. Персонаж способствует успеху общего дела, проявляя свои особые навыки достижения поставленной цели: ...*чон хөөдин күзуһан хазад алчкад, теднэ махнасны гесэн дууртл идчкэд, кеерэгшэн гүүһэд йовжэ одна*. ‘Разорвав шеи овец и досыта наевшись их мясом, волк убежал в степь’. Необходимо отметить, что сюжет, в котором дикое животное и домашняя птица действуют вместе, относится к ранним, в нем отсутствует противопоставление двух миров, дикого и домашнего. Вероятно, такой сюжет отражает раннюю эпоху присваивающего хозяйства.

Обычно в калмыцких сказках с льстивыми речами обращается к другим животным лиса — в целях добычи еды [Куканова, Чумбаева 2023: 318–319]. Однако в одном из сюжетов («Эмгн өвгн хойриг чон яһж меклж») («Как волк обманул старика и старуху») в качестве злого хищника и трикстера с льстивыми речами предстает волк. Волк, чтобы добиться желаемого, произносит восхваление в адрес семьи: ему нравятся жизнь старика и старухи, нравятся у светленькой толстой девушки крепкие жилы, нравится пух пятых коз, которых он съедает [НА КалмНЦ РАН].

В то же время волк в калмыцких сказках может быть изображен и как глупый, недогадливый персонаж, который становится жертвой обмана или насмешек. Часто именно волк попадает в нелепые ситуации и становится объектом шуток других персонажей, что подтверждается эпизодом в сказке «Зан чон хойр» («Слон и волк»), где слон просит связать их шеи веревкой для его безопасно-

сти, на что волк дает свое согласие и в итоге погибает: *Чон зөвтнй багтад, күзүһэн деесэр холвицхана* ‘Волк дал свое согласие, и они обвязали свои шеи веревкой’ [Хальмг туульс 1961: 94]. Также часто волк бывает обманутым главным трикстером в мире сказочных животных — лисой. В сказке «Мекч арат» («Хитроумная лиса») лиса лжет волкам, что рядом несколько всадников; и др. В сказке «Барс, чон, арат, темэн дөрвн» («Барс, волк, лиса и верблюд») лиса перекладывает вину на волка, обвиняя его в том, что она сама сделала, и в итоге с помощью барса убивает волка. В результате волк становится жертвой сговора и погибает. Таким образом, в обеих сказках волк оказывается жертвой лисьего трикстерства [Медноволосяя девушка 1964: 256–258].

О волке — противнике братьев-мышей речь идет в сказке «Ах-дү хойр хулһн» («Братья-мыши») [НА КалмНЦ РАН]. Семеро волков — противники четырех братьев, в качестве которых выступают баран, козел, заяц и петух в сказке «Четыре брата» [Медноволосяя девушка 1964: 261–262]. Обе сказки завершаются победой над волком (волками). И если в одной сказке волк погибает, испугавшись угроз со стороны мыши, то во второй сказке противниками семерых волков выступают представители домашнего хозяйства (налицо противопоставление «дикие – домашние»). В. Т. Сарангов предполагает, что данный сюжет основан на страхе перед превосходящим противником, когда более слабые существа одерживают победу над грозным противником — волком [Сарангов 1998: 10]. В этом сюжете волк выступает как обладающий силой, хотя его побеждают либо маленький, но смелый противник — один из братьев-мышей, либо домашние животные и птицы.

Т. Г. Басангова обращает внимание на то, что некоторые сюжеты сказок о животных имеют этиологическую концовку: объясняют происхождение или причину какого-либо явления. «Этиологическая концовка характерна сюжету ..., где героями являются десять волков, она отвечает на вопрос „почему у волка кривая лодыжка?“ . Главным из них является волк-шаман, обладающий магией слова, главный табунщик наносит удар по ноге волка и с этих пор у волка кривая лодыжка» [Басангова 2019: 97]. Этиологическая концовка разъясняет наличие у всех волков кривой лодыжки, являющейся

их отличительной чертой.

## **6. Выводы**

Образу волка в калмыцких сказках присущи разные характеристики. В одних сказках он описывается как великан (семи саженой ростом), опытный, мудрый и ловкий вожак, лидер, наставляющий своих друзей. Волк противопоставляется собаке как символу домашнего хозяйства. В других сказках волк выступает как глупый, недогадливый и даже трусоватый персонаж, жертва обмана и насмешек.

В рассмотренных сказках не прослеживается отношение к волку как предку одной из этнических групп калмыков: сюжет о происхождении чоносов от мальчика, воспитанного волчицей, зафиксирован в этногонимической легенде [[Мифы, легенды и предания 2017: 204–205](#)]. Тем не менее в калмыцких сказках прослеживается общее отношение к волку как к красивому, мощному, сильному, быстрому и ловкому, смелому, хотя и жестокому животному. Образ волка как вожака, лидера, возможно, отражает древнее почитание волка как тотема одной из родовых групп предков калмыков.

Отношение же к волку как врагу скотовода, потенциальному разорителю стада отражено в более поздних сюжетах, возникновение которых связано с этапом ведения скотоводческого хозяйства. В сказочном фольклоре образу волка в соответствии с подобным противостоянием стали приписываться черты жестокости, глупости, злобы.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод об общности представлений о волке в культуре монгольских народов, в том числе калмыков. Образ волка в калмыцких сказках амбивалентен, что связано с разнообразием качеств, присущих этому животному, и с основными символическими значениями, используемыми для характеристик волка в фольклоре. Представления о волке в калмыцкой культуре определены как онтологическими характеристиками животного, так и культурными признаками. Наряду с представлениями, которые обусловлены его характеристиками как хищного животного, в культуре калмыков волк почитается как темное животное, что косвенно отражено в сказках, в которых волк наделен мудростью и представлен в качестве вожака.

## Источники

- Калмыцкие сказки 2009 — Калмыцкие сказки: сборник / на калм.яз.; сост. В. Д. Бадмаева. Элиста: Герел, 2009. 440 с.: ил.
- Медноволосая девушка 1964 — Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки / пер., сост., примеч. М. Вагагина; отв. ред. Б. К. Пашков. М.: Наука, 1964. 272 с.
- НА КалмнЦ РАН — Калмыцкие сказки о животных, бытовые, кумулятивные сказки и небылицы // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. 736 с.
- Сандаловый ларец 2002 — Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки / сост. и пер. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002 с.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1961. 220 х.
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс. 2-гч боть / сост. А. Ц. Бембеева, Ц.-Д. Номинханов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 264 х.
- Хальмг туульс 1972 — Хальмг туульс. 3-гч боть / сост. Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элиста: Респ. тип., 1972. 252 х.
- Хальмг туульс 1974 — Хальмг туульс. 4-гч боть / сост. Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элиста: Респ. тип., 1974. 274 х.
- Хальмг туульс 1979 — Калмыцкие народные сказки. На калм. ях. Переиздание. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 158 с.

## Литература

- Бадмаев 1982 — *Бадмаев А. Б.* Зултурган — трава степная. Роман. Дополненное издание. На калм. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 478 с.
- Бадмаев 1987 — *Бадмаев А. Б.* Зултурган — трава степная. Пер. с калм. Н. Родичева. М.: Современник, 1987. 447 с.
- Бакаева 2007 — *Бакаева Э. П.* Проблемы происхождения предков калмыков (по материалам уранов и обрядов родового значения) // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 113–125.
- Бакаева 2009 — *Бакаева Э. П.* Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 158 с.
- БАМРС 2, 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х тт. Т. 2. Д–О / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 536 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х тт. Т. 4. Х–Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Басаев 2009 — *Басаев Д. Э.* Калмыцкие народные легенды и предания: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Элиста, 2009. 18 с.

- Басангова 2018 — *Басангова Т. Г.* Сказки о животных в калмыцком фольклоре (к вопросу о древних истоках) // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 38(2). С. 64–70.
- Басангова 2019 — *Басангова Т. Г.* Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: КалмГУ, 2019. 192 с.
- Безертинов 2004 — *Безертинов Р. Н.* Тенгрианство — религия тюрков и монголов. Казань: Слово, 2004. 448 с.
- Боваева, Омакаева 2022 — *Боваева Г. М., Омакаева Э. У.* Мир дикой фауны в зеркале калмыцкой, русской и немецкой зоофразеологии: базовые зоолексемы // Современный ученый. 2022. № 6. С. 50–60.
- БРС 1973 — Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 803 с.
- Бурнаков, Цыденова 2015 — *Бурнаков В. А., Цыденова Д. Ц.* Образ волка в религиозно-мифологических представлениях хакасов (конец XIX–XX век) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 3. Археология и этнография. С. 121–132.
- Ванькаева 2019 — *Ванькаева Е. В.* Представления о волке в картине мира калмыков // Россия и Северный Кавказ: диалог народов, культур, государств. Мат-лы Всеросс. конф. (г. Грозный, 4–5 декабря 2018 г.). Грозный: ЧГУ, 2019. С. 100–105.
- Гундэгмаа 2017 — *Гундэгмаа Б.* Образ чоно (волка) в наивном языковом сознании носителей монгольского языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 1. С. 62–78.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Джимбиева 2011 — *Джимбиева Н. В.* Волк как положительный персонаж в калмыцких народных сказках о животных // Вестник магистратуры. 2011. № 3. С. 10–13.
- Корнеева 2016 — *Корнеева А. Х.* Особенности зоонимии калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого университета. 2016. №4(32). С. 85–91.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 758 с.
- Куканова, Чумбаева 2023 — *Куканова В. В., Чумбаева А. С.* Образ лисы в калмыцких сказках о животных // Новый филологический вестник. 2023. № 3(66). С. 310–325. DOI 10.54770/20729316-2023-3-310
- Кульганек 2017 — *Кульганек И. В.* Монгольские пословицы и поговор-

- ки. Исследование, перевод, комментариев. СПб.: Петерб. вост., 2017. 184 с.
- Липец 1981 — *Липец Р. С.* «Лицо волка благословлено...» (стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических преданиях) // Советская этнография. 1981. № 1. С. 120–133.
- Мифы, легенды и предания 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 367 с.
- Монраев 2012 — *Монраев М. У.* Калмыцкие личные имена (Семантика) / 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Герел, 2012. 255 с.
- Очиров 2011 — *Очиров У. У.* Хальмг үлгүрмүдин болн товчта үгмүдин тээлвртэ толь. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 224 с.
- Пословицы 2007 — Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая /сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: Джангар, 2007. 838 с.
- Пропп 1957 — *Пропп В. Я.* Русские народные сказки Афанасьева // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 тт. / подг. текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1957. С. I–XVI.
- Рассадин 1981 — *Рассадин В. И.* К сравнительному изучению анималистической лексики бурятского языка // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск: Наука, СО, 1981. С. 87–120.
- Рассадин и др. 2009 — *Рассадин В. И., Трофимова С. М., Дензинова Л. М.* Названия диких животных в калмыцком языке // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2009. № 3(26). С. 165–167.
- Санжеев и др. 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Севернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. I. А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- Санжеев и др. 2016 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Севернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. II. Г–Р. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.
- Сарангов 1998 — *Сарангов В. Т.* Калмыцкое народное поэтическое творчество. Сказки. Элиста: КалмГУ, 1998. 70 с.
- Соколова 1998 — *Соколова З. П.* Животные в религиях. СПб.: Лань, 1998. 288 с.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Джангар, 2001. 493 с.
- Эрдэнэболд 2012 — *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.